

Группа людей, не обращая внимания на окружающих, вошла через главные ворота. Впереди них охранники семьи Ван отступали, но не смели преградить путь. Влияние семьи Лю нельзя было недооценивать, и все знали, что нужно проявить уважение.

Шел старик:

— Я — Лю Чжэньюэ.

Это был тот, кто говорил ранее, ровесник Лю Чжэньчи.

— Да, это указано в визитной карточке.

Эти слова, сказанные без тени вежливости, заставили всех замереть. Разве в такой ситуации не следовало бы выразить почтение?

Му Яо явно не собирался оказывать уважение гостям.

Чэнь Цянь тоже был ошеломлен, но, придя в себя, встал за спиной Му Яо, сохраняя спокойствие. Он доверял Му Яо.

Лю Чжэньюэ тоже не ожидал такого поворота. Он был явно более вспыльчивым, чем Лю Чжэньчи. Если Лю Чжэньчи хоть и говорил резко, но сохранял хладнокровие, то этот человек не мог сдержаться. Его лицо потемнело от гнева, а глаза, полные ярости, ясно выражали все его эмоции.

— С какой целью прибыли? — продолжил Му Яо с безразличием.

На этот раз он не упомянул визитную карточку. Его пренебрежение было слишком очевидным, словно он намеренно собирался порвать с семьей Лю.

Смешно! Противник уже начал действовать против его учителя, и Му Яо должен был продолжать с ними играть в вежливость?

— Потомок побочной ветви, не веди себя так дерзко! — выкрикнул Лю Чжэньюэ, с трудом сдерживая гнев и стыд.

Его лицо немного успокоилось, но его внутренняя сила стала еще мощнее. Те, кто стоял рядом, не могли выдержать его неконтролируемого давления и были вынуждены мобилизовать всю свою силу.

Чэнь Цянь нахмурился. Оказывается, этот старик раньше скрывал свои истинные способности. Он беспокоился, что Му Яо не сможет противостоять ему.

Однако юноша оставался спокоен, его энергия была еще сильнее, и Чэнь Цянь не почувствовал утечки внутренней силы Лю Чжэньюэ.

Чэнь Цянь облегченно вздохнул, осознавая, насколько силен его ученик. Раньше, в горах Лайу, тот явно не использовал всю свою мощь.

Взгляд Чэнь Цяня стал задумчивым. Трактат «Цзюэ» был боевым искусством, которое он выбрал, но оно не должно было быть настолько мощным. За эти четыре года Му Яо, вероятно, прошел через многое.

Лю Чжэньюэ к этому моменту тоже понял, что недооценил этого молодого человека из семьи

Му. Его лицо покраснело, но он все еще упрямо продолжал соревноваться с Му Яо в силе внутренней энергии.

Му Яо спокойно продолжал соревнование, постепенно увеличивая давление, сохраняя достоинство и хладнокровие. Учитель смотрел на него с изумлением. Такого Му Яо он никогда не видел.

Он всегда считал Му Яо мягким, добрым и послушным. И мальчик действительно был таким в его присутствии. Совсем недавно, когда он читал путевые заметки и ему казалось, что ожидание затянулось, он закрыл глаза, собираясь обдумать рецепт противоядия от яда Лайу. В этот момент его добрый ученик, думая, что он хочет вздремнуть, принес ему тонкое одеяло.

Такой послушный, что вызывал вздохи. Воспоминания, которые он раньше не замечал или намеренно игнорировал, всплывали перед его глазами, и Чэнь Цянь не мог не признать, что он даже рад, что Му Яо остался таким же послушным, как и раньше.

Чэнь Цянь еще не осознавал, насколько Му Яо был для него особенным. Будь то из-за личных чувств или чего-то еще, сейчас он просто хотел удержать этого человека.

Этого мальчика, которого он когда-то пытался спасти.

Никто не лишен эгоизма. Чэнь Цянь смотрел на своего ученика и не находил ничего неправильного в своих смутных мыслях.

Он никогда не пытался разобраться в своих чувствах, ничего не понимал и не знал. Поэтому все его действия и мысли были просто проявлением его истинных желаний.

Истинные желания — это то, чего он хочет, и ничего больше. Просто и искренне.

У Му Яо никогда не было терпения к семье Лю, а теперь, когда они задели его самое больное место, он больше не хотел скрывать свои чувства. В конце концов, ему было всего двадцать два года, и он находился в том возрасте, когда кажется, что он уже зрелый, но еще не привык к этой зрелости.

Некоторые принципы нельзя было нарушать ради так называемого общего блага. Ни в коем случае.

Он спокойно увеличивал давление, ожидая, пока его противник сдастся. Лицо Лю Чжэньюэ менялось от красного к бледному, затем снова краснело, на лбу выступили вены, и пот начал капать с его лица. Му Яо наконец прекратил увеличивать давление.

Он выглядел спокойным и уверенным, словно у него еще оставались силы. Он снова повторил:

— С какой целью прибыли?

Его спокойствие вызывало ярость.

Чэнь Цянь смотрел на него с восхищением. Нельзя было отрицать, что этот, совершенно непохожий на обычного, ученик обладал особой притягательностью.

Лю Чжэньюэ с трудом открыл рот, казалось, даже это небольшое движение было для него крайне сложным. Те, кто стоял рядом, растерялись, и от их высокомерия не осталось и следа. Но они понимали, что не смогут противостоять, и не решались действовать.

Лю Чжэньюэ явно был готов сдаться. Неизвестно, что сделал его ученик, но старик быстро вздохнул с облегчением, и пот наконец перестал течь. Он понимал, какую цель преследовал Му Яо, подавляя его, но когда пришло время сдаться, он сжал губы, пытаясь сохранить остатки достоинства.

Чэнь Цянь, стоявший за спиной ученика, не видел его маленьких манипуляций. Внезапно лицо старика, с трудом выдерживающего давление, стало серым и полным страха. Он сдался:

— Мы пришли, чтобы забрать людей, которых вы... которых старейшина Му забрал из семьи Лю.

Му Яо наконец значительно ослабил свою энергию, его красивое лицо озарилось мягкой улыбкой. Он заговорил, словно демон:

— Люди из семьи Лю? А если я скажу, что это люди из семьи Ван?

Му Яо происходил из боковой ветви семьи Лю, поэтому сейчас он мог представлять только семью Ван. Среди его ближайших соратников было много бывших членов семьи Лю, и он не мог их вернуть.

Эти «изгой» были теми, кого Му Яо специально привез из семьи Лю через год после того, как попал в семью Ван. Тогда семья Лю не обращала внимания на их судьбу, позволяя им жить в трудностях, но не вмешиваясь. Поэтому Му Яо без особых препятствий забрал около сотни человек.

Среди них были и старые, и молодые, все они были «изгоями» в семье Лю на протяжении нескольких поколений, и все они обладали значительной силой. Чжан Чжицин был одним из них.

Но Му Яо не ожидал, что Чжан Чжицин окажется тесно связанным с главой семьи Лю Лю Синьюанем. Однако его сила говорила сама за себя, и в любом случае было лучше сделать его союзником, чем врагом.

— Брат прав. С какой стати семья Лю позволяет себе такие домогательства? — раздался слабый, но полный скрытой силы голос из-за занавеса.

Ван Цзиньюань вышел из-за жемчужной занавески, а служанки, сопровождавшие его, встали по обе стороны главного зала.

Репутация Ван Цзиньюаня как жестокого и деспотичного главы семьи была известна всем уже давно. Даже Му Яо, который сам был грозным противником, по сравнению с ним казался более мягким.

Ван Цзиньюань, с его болезненной красотой, излучал высокомерие и дерзость. Он с презрением смотрел на членов семьи Лю, казалось, все еще слабый, но его энергия уже проявлялась:

— То, что уже принято, семья Ван никогда не возвращает. Подумайте хорошенько о своей просьбе сегодня.

Сказав это, он сел на кресло в главном зале, двигаясь с достоинством и изяществом.

Он явно не собирался больше говорить.

Чэнь Цянь, наблюдавший за происходящим, нахмурился. Семья Ван собиралась окончательно порвать с семьей Лю? Позволив семье Бай воспользоваться ситуацией? Хотя, похоже, семья Бай уже была связана с семьей Лю, и окружение было завершено, ситуация была предрешена.

Он был слеп. Му Яо и Ван Цзинъюань видели ситуацию гораздо яснее. Осознав это, учитель постепенно успокоился.

Когда нож уже занесен из тени, пытаться сохранить видимость спокойствия и терять при этом выгоду — это было бы слишком глупо.

— На самом деле, это не совсем невозможно, — произнес Му Яо, словно играя роль сговорчивого.

Он посмотрел на Ван Цзинъюаня, словно успокаивая его. Неудовольствие, проявившееся на лице Ван Цзинъюаня, постепенно исчезло.

Чэнь Цянь, наблюдая за этим, восхищался их взаимопониманием, но его интерес постепенно угасал.

Му Яо продолжил, но тон его голоса изменился:

— Но почему бы не спросить самих людей? Кем они себя считают? Семья Ван не будет вмешиваться в их выбор, но пока они остаются с нами, никто не смеет их обижать!

Чем дальше он говорил, тем суровее становился его голос, и в нем появилась властность.

Лю Чжэньюэ и другие, уже бледные от резких слов главы семьи Ван, стали еще более растерянными из-за внезапного изменения тона Му Яо.

Когда Лю Чжэньюэ сталкивался с таким отношением? Но он понимал отношение семьи Лю к изгоям и знал, что они ни за что не вернутся добровольно. Когда он взялся за это задание, он не ожидал такого исхода, и теперь явно не знал, что делать.

Му Яо, видя, что он не отвечает, начал терять терпение.

— Чжан Чжицин, — тихо приказал он.

Чжан Чжицин, в отличие от Цзюаньжун и Ляньжун, которые были служанками, не входил в зал. Он стоял снаружи, ожидая приказа, и даже когда пришли члены семьи Лю, он не подал виду. Услышав приказ, он мгновенно вошел.

— Слушаюсь, господин.

— Ты желаешь вернуться в семью Лю?

<http://bllate.org/book/16807/1545691>